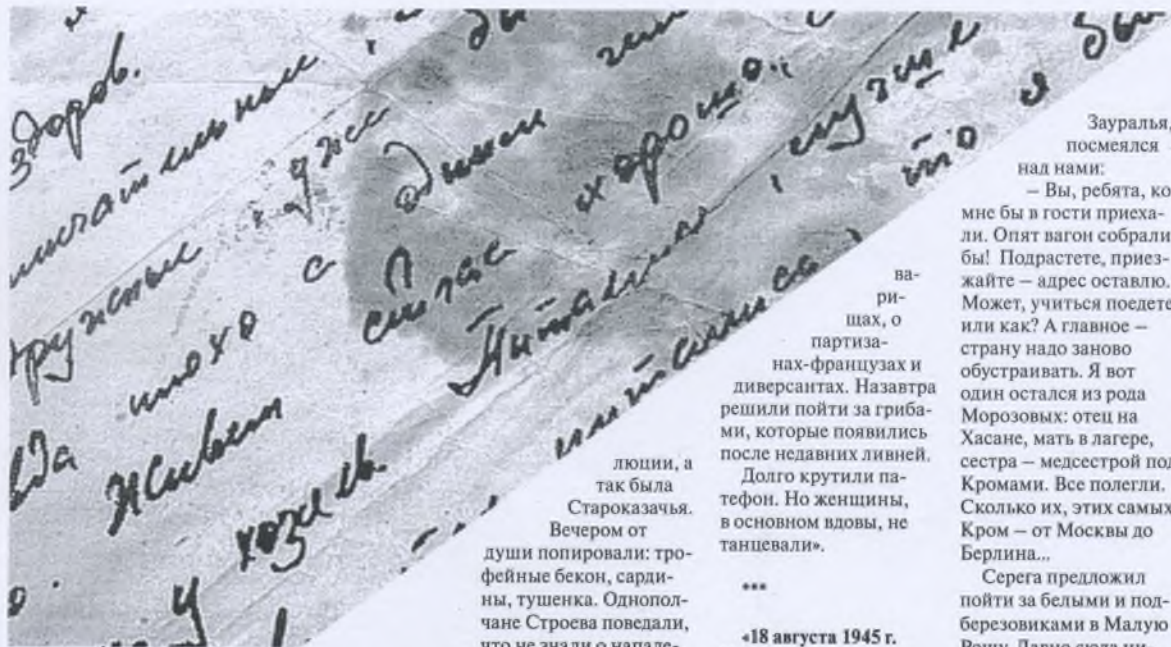

Военное поколение

(Из неопубликованного дневника неизвестного десятиклассника)

«...15 августа 1945 г. Вчера, когда варили уху в Поречье, прибежал Серега (Ферапонта-кузнец сын). За дюжину раков он предложил нам с Димкой три крашенных поплавок из гусиного пера, два крупных крючка и с десяток гильз от крупнокалиберного пулемета обменял на шуренка под полкило. Мы, зная, что Серый отличный рыбак, поинтересовались, зачем ему рыба и раки. Ведь Серега известен на всю округу своими заготовками таранки, сушеных грибов и ягод. С начала войны он жил с бабушкой. Отца призвали кашеварить на походную кухню. Мама его — тетка Ефросинья — погибла при бомбежке колонны беженцев где-то под Киевом. После Сталинграда он получил пару «треугольников» от бати. Тот писал, что был контужен и ранен, но сейчас жив и здоров. Потом — ни слуху, ни духу. Тут недавно Победу все вместе праздновали. А Сереге бумажка под дых в конце мая: «Уважаемая Пелагея Ильинична!

Ваш сын, Ферапонт Иванович Строев, уроженец с. Первомайская, ныне старший повар энского артполка, пропал без вести в апреле 1945 г. в предместье Кенигсберга. Учтивая боевой опыт и храбрость Вашего сына, награжденного медалью «За отвагу!» и орденом Славы, есть основания полагать, что Ф.И. жив, временно находится в плену или в полевом госпитале.

Не теряйте надежды, война идет к концу!

С уважением, политрук N-артполка.

Ну, значит, он и надеялся».

«16 августа 1945 г. Оказывается, к Сереге гости приехали: ветераны артполка, где служил отец. Они возвращались из Германии. Вот и решили навестить родню своего «кормильца» как они его в шутку прозвали. Мы тоже ходили послушать бойцов. В нашу глухую станицку они редко заходят. Первомайской ее назвали после рево-

люции, а так была Староказачья. Вечером от души попирали: трюфенные бекон, сардины, тушенка. Однополчане Строева поведали, что не знали о нападении на кухню — слишком быстрым и мощным было наступление на Берлин. Зачем — Прага. Прокатился слух, что Ферапонт пропал без вести...

Когда пили липовый чай, чуть не расплакался, вспомнив нашу квартиру на Невском проспекте. Папа мой, инженер по вооружению, в середине 30-х исчез. Мать чернела на глазах, но всегда готовила яблочный пирог на его день рождения. Мама замерзла у проруби на Фонтанке в первый год блокады. Нас эвакуировали по «Дороге жизни» в марте, когда таял лед. Страху натерпелись от «конкеров» и «мессеров», а утром одна полуторка с людьми провалилась...»

«17 августа 1945 г. Ходили на карасей и карпов в соседний хутор Стрелецкий — я, Димка и Серега. Поймали на навозника с десятком карасей грамм по 200-250 и двух карпят не меньше полкило каждый. Гости выпивали, много говорили о войне и то-

вари-ри-шах, о партизанах-французах и диверсантах. Назавтра решили пойти за грибами, которые появились после недавних ливней. Долго крутили патефон. Но женщины, в основном вдовы, не танцевали».

«18 августа 1945 г. Немцы в этих краях стояли недолго, но зля за собой оставили — не уместить в тетрадку. Народ здесь разный: кто-то предал Родину, присягнув «новому порядку», а кто-то, будучи старостой, как мог вымучивал крестьян, вступая за них и подпольщиков в комендатуре и перед бургомистром. Каждого чернявого или с нерусской фамилией клеймили, как «большевика-еврея». Тех, кто крепко, гнали на работу в Германию. Отступали — сожгли, гады, несколько деревень. Даже детей не жалели. Дед Прохор рассказывал, что комсомолку, дочь председателя колхоза «Знамя Ленина», повесили в центре станицы, потому что не открыла тайны местонахождения коммунистов и отца ценой собственной жизни...»

Как и собирались, с утра пошли за грибами на довоенную лесозаготовку. За войну там все заросло, зато по пням радовали нас опять. Сегодня их почему-то было маловато. Командир взвода, капитан дядя Антон родом из

Зауралья, поспеялся над нами:

— Вы, ребята, ко мне бы в гости приехали. Опят вагон собрали бы! Подрастете, приезжайте — адрес оставлю. Может, учиться поедете или как? А главное — страну надо заново обустраивать. Я вот один остался из рода Морозовых: отец на Хасане, мать в лагере, сестра — медсестрой под Кромами. Все полегли. Сколько их, этих самых Кром — от Москвы до Берлина...

Серега предложил пойти за белыми и подберезовиками в Малую Рошу. Давно сюда никто не ходил. Дернул Серегу черт — стремглав побежал к роше. Мы от него поотстали. Скрылся Серый в роше. И тут — как громыхнет! Столб земли метров на пятнадцать к макушкам берез поднялся. Ей-Богу, тогда мне показалось, что внутри что-то оборвалось. Это я пишу ночью, рука дрожит. Плачу невмочь. Разорвало друга Серегу миной из-за чертовых грибов, никому даром не нужных».

«19 августа 1945 г. На заре похоронили Сергея Ферапонтовича Строева на станичном погосте, где покоятся многие славные казаки. Меня всего трясло, знобило. Мутило жуть. Хотелось куда-то убежать, забиться, заново родиться. Положили с ним его рисовальный альбом. Он любил копировать военные плакаты, секретничал, задумывая свои «КУКРЫНИКСЫ». Через неделю, выхлотавав бумаги, приехал дядя Антон и забрал нас

с Димкой с собой. Экзамены там сдам. А потом решил поступить на сапера. Пусть он ошибается один раз, но я не хочу, чтобы такое повторилось. Буду добросовестно шупать землю, а быть войне — отомшу за всех. Сегодня же бросаю вести дневник. Очень тяжело. Прощай Серега, друбан военный!». (Далее записи прерваны).

«Ноябрь 1952 г. Мы с Дмитрием в Новосибирске. Возобновил дневник по единственной причине — недели две назад получили весточку из Староказачьей. Пишет наша классная Сталина Васильевна. Бабушка Пелагея умерла. В Стрелецком запрудили каскад прудов. Планируют строить дамбу для рыбхоза. Школу расширили, приехали новые поселенцы и студенты. Добровольцев-строителей хоть отбавляй. Сталина зовет нас — свои, мол, не чужие, каждую веку знают. Но самое горько-обидное, вернулся домой отец Сереги — кузнец и повар Великой Отечественной, немой герой СССР Ферапонт Иванович Строев.

Ехать туда, в гремющую Первомайскую нам чрезвычайно хочется, однако гложет чувство какой-то глобальной вины...

Бросаю дневник окончательно. Поеду в Ленинград. Надо узнать все об отце. Не знаю, помогут ли люди в архивах.

7 ноября 1952 г., Новосибирск». (Далее записи отсутствуют).

Подготовили Виктор и Сергей РАССОХИНЫ, члены Союза российских писателей и организации «Флоту быть!»